

— Ты скажи, что нам делать с этим ребенком? — спросила женщина.

— Откуда мне знать! Брат оставил этот дом и кучу имущества, неужели всё должно достаться этой девчонке?

— Как такое возможно? Это всё должно принадлежать нам, она ведь даже не родная дочь брата!

Мужчина опустил голову и затянулся сигаретой, нахмурившись.

— Будем пока ее содержать. Она еще мала, так что имущество все равно останется под нашим контролем.

— С какой стати нам ее содержать? Она нам никто. К тому же, даже если мы будем ее кормить, что делать, когда она вырастет и потребует наследство? В завещании черным по белому написано, что всё имущество принадлежит ей. Где мы тогда возьмем столько денег? А если она узнает, что мы прибрали к рукам состояние брата, то еще и отомстит нам!

— Тогда предлагай, что делать! — мужчина взорвался, но тут же понизил голос.

Наступила тишина. В глазах женщины промелькнул холод. Она стиснула зубы и злобно прошипела:

— Нужно вырвать сорняк с корнем.

Мужчина резко поднял голову:

— Что? Ты о чем? Ты хочешь ее убить? Она же еще ребенок!

— Нет, я имею в виду — отдать ее кому-нибудь. Чем дальше, тем лучше.

— Кому отдать? Куда? Кто ее возьмет? Она уже достаточно взрослая, наверняка нас помнит! А если она вернется?

— Тогда... выбросить ее. Бросить где-нибудь в глуши. Если повезет — кто-нибудь подберет, а если нет... будет лучше, если она сгинет в поле, — от ее слов мужчину бросило в дрожь.

Он замолчал, с силой затянулся сигаретой. В темноте яркий уголек, прочертив дугу, рассыпался пеплом. Эта ночь казалась невыносимо темной и бесконечной, и под самым оком Бога вершилось вечное зло.

И правда, ее выбросили, словно грязную вещь. Десять, пятнадцать лет спустя, когда ее жизнь изменилась до неузнаваемости, она сама не знала, стоит ли благодарить их за эгоизм или проклинать за жестокость.

Фудзики Дзюн — она уже почти забыла это имя. Она тихо шептала эти три иероглифа, глядя на ослепительный экран монитора, отчего глаза начинали болеть, будто собираясь заплакать.

Рядом с ней лежал юноша с тонкими чертами лица и благородной осанкой.

Он открыл затуманенные глаза, и в тусклом свете лампы его лицо казалось высеченным из камня. Он смотрел на нее взглядом, полным нежности и смятения.

— Кто ты на самом деле, Дзюн или Рин? — спросил он.

Она рассмеялась, тихо и мягко.

— Саю, как ты думаешь, кто я? Я и сама не знаю.

Он придвинулся и погладил ее по длинным волосам.

— Дзюн, я знаю. Я знаю, что ты Дзюн. Твой взгляд невозможно изменить.

— О? И какой же у меня взгляд?

Он смотрел на нее так же, как много лет назад, когда они впервые встретились на пешеходном мосту.

— Бледный... — ответил он.

Она усмехнулась, подмечая, что он выбрал неверное слово: бледным обычно называют лицо.

— Нет, именно бледный, — возразил он. — Твой взгляд всегда такой, словно затянут белой пеленой.

Она больше ничего не сказала и вернулась к работе над романом. Для нее слова были самой жизнью, средоточием всех чувств, ведь там, в тексте, жила та, кого она любила больше всего на свете — женщина.

Он сидел на краю кровати, наблюдая за ней, а затем тихо спросил:

— Дзюн, ты любишь меня?

Не отрывая взгляда от экрана, она ответила:

— Саю, я люблю только Рин.

Он опустил голову, и с ее ракурса была видна лишь тень его подбородка.

— Дзюн, Рин уже мертва, — произнес он.

Она рассмеялась — почти безумно, с пугающей интонацией:

— Саю, у тебя что, со зрением беда? Разве я не Рин?

Он поднял голову, посмотрел на нее и тоже улыбнулся. Она знала, что он привык к таким ее речам. Он потрепал ее по голове и сказал:

— Дзюн, береги себя, ложись спать пораньше. Если устала писать, не перенапрягайся. И не пей так много кофе.

Она коротко кивнула и продолжила печатать. Юноша всегда знал: если она что-то решила, переубедить ее невозможно. Хотя нет, теперь уже можно было сказать, что он стал мужчиной.

— Дзюн, — он задержался у двери. — Я не хочу, чтобы этот роман был пропитан ненавистью, — тихо добавил он.

Она промолчала.

Разве можно раскрасить жизнь яркими красками, когда она одарила тебя лишь серостью и обломками?

Она сделала глоток ледяного кофе, холод пронзил все тело. Совсем как в тот день, много лет назад, когда проливной дождь заморозил ее и Рин.

Ее пальцы одиноко стучали по клавишам, наполняя пустой дом тоскливым звуком. Она привыкла ставить у компьютера зеркало — отражение лица в нем было ее единственной духовной опорой. Только видя это изящное лицо, она переставала чувствовать одиночество, могла улыбнуться и спокойно уснуть. Снотворное почти парализовало ее нервы, постепенно становясь самой сутью ее жизни; без него она предпочла бы умереть. Но она все еще жила — возможно, из-за глубоко укоренившейся в сознании истории, а возможно, лишь потому, что, глядя на это лицо, она понимала: оно принадлежит другой. Эта история была ее единственным

богатством и вечной, неизгладимой болью.

<http://bllate.org/book/20764/2083549>